

главные выводы четвертой главы. Есть даже совершенно ненужные рассуждения. Встрѣчаются также нѣкоторыя нестрогости, неточныя опредѣленія и выраженія, погрѣшности въ формулахъ, неосновательныя утверждения. Но все это легко поправимо и не вліяетъ на выводы, дѣлаемые авторомъ.

Вообще замѣченные мною недостатки, вполне извинительные въ столь обширномъ и сложномъ трудѣ, не настолько важны, чтобы нужно было на нихъ здѣсь останавливаться, тѣмъ болѣе, что я буду имѣть случай поговорить о нихъ на диспутѣ.

Проф. А. Ляпуновъ.

17-го ноября 1901 г.

Отзывъ проф. Н. Θ. Сумцова о диссертациі А. П. Кадлубовскаго „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ“.

Диссертациа г. Кадлубовскаго, представленная на соисканіе магистерской степени по кафедрѣ исторіи русскаго языка и литературы, „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ“ представляетъ объемистое изслѣдованіе въ 376 страницъ. Состоитъ она собственно изъ трехъ отдѣльных изслѣдованій; первыя три главы, трактующія о житіяхъ Авраамія Ростовскаго, Меркурія Смоленскаго и Никиты Переяславскаго, имѣютъ историко-литературный характеръ. Здѣсь проведено то положеніе, что житія русскихъ святыхъ сложились подъ прямымъ воздѣйствіемъ житій византійскихъ объ Аврааміи Затворникѣ, Меркуріи Кесарійскомъ и св. великомученикѣ Никитѣ.

Старательно, съ увлеченіемъ разработаны первыя главы о житіи Авраамія Ростовскаго. Авторъ, согласно съ мнѣніемъ Голубинскаго, относитъ Авраамія съ XIV ст., и высказываетъ мнѣніе, что въ основу житія легли мѣстныя смутныя монастырскія преданія объ Аврааміи, къ которымъ впослѣдствіи приросли нѣкоторыя сказанія о святомъ Восточной церкви Аврааміи Затворникѣ, память котораго положена въ одинъ день съ памятью Авраамія Ростовскаго. Увлекаясь своимъ изслѣдованіемъ, авторъ, безъ особенной надобности, дважды повторяетъ свои выводы и заключенія. Авторъ тщательно разбираетъ лишь ту сторону въ житіи Авраамія Ростовскаго, которая даетъ нѣкоторый, вообще слабый поводъ съ сближенію этого житія съ болѣе древнимъ житіемъ Авраамія Затворника, и оставляетъ безъ изученія нѣкоторыя характерныя бытовые и легендарные мотивы, напр., мотивы о заключеніи демона въ сосудѣ, о наказаніи Авраамія „на пѣзѣй ослиатицѣ“.

Весьма тщательно разработана вторая глава о Меркуріи Смоленской, въ которой авторъ видитъ мѣстную смоленскую локализацию великомученика Меркурія Кесарійскаго съ нѣкоторыми дополненіями изъ западной легендарной литературы. Такъ, мотивъ о томъ, какъ мученикъ несъ свою голову, взятъ, по мнѣнію автора, изъ популярнаго въ восточномъ мірѣ разсказовъ подобнаго рода. Въ кругъ изслѣдованій и сравненій привлечена отчасти и западно-европейская научная литература, что придаетъ этой главѣ значительную научную цѣнность. Выскайшимъ поводомъ къ сравненію Меркурія Смоленскаго съ Меркуріемъ Кесарійскимъ послужило приуроченіе ихъ памяти къ одному и тому же дню—24 ноября.

Третья глава о св. великомученикѣ Никитѣ и св. Никитѣ столпникѣ Переяславскомъ построена на очень шаткой почвѣ внѣшняго сходства въ демонологіи. Автора къ сравненіямъ, сопоставленіямъ и обобщеніямъ двухъ святыхъ привели тѣ общія мѣста, гдѣ оба святые являются демоно-борцами.

Четвертая глава, заключающая въ себѣ около 40 печат. страницъ, посвящена изложенію содержанія малоизвѣстнаго Волоколамскаго Патерика XVI ст. Вкратцѣ приведено содерженіе всѣхъ 29 входящихъ въ него разсказовъ; но въ историко-литературномъ отношеніи подробно изслѣдованъ лишь одинъ разсказъ—о чудѣ съ еретикомъ священникомъ. Разѣ этотъ мотивъ былъ уже предметомъ изслѣдованія у Веселовскаго въ его „Разысканіяхъ въ области рус. народ. стиха“, что извѣстно автору, и у Чайльда въ его примѣчаніяхъ къ шотландскимъ балладамъ. Замѣчанія автора о другихъ разсказахъ Волоколамскаго Патерика очень кратки, и, кромѣ передачи содержанія, почти совсѣмъ лишены характера изслѣдованія.

Самая обширная глава—последняя, пятая. Она занимаетъ свыше 100 стр., слѣдовательно, болѣе половины всей книги. Авторъ здѣсь съ литературной точки зрѣнія переходитъ почти всецѣло на точку зрѣнія бытовую. Заголовокъ такой: „Русскія житія XV—XVI вв. и современія имъ направленія рус. религіозной мысли“. Послѣ предварительныхъ замѣчаній, не представляющихъ интереса, авторъ говоритъ объ Епифаніи и Пахоміи, о литературѣ житій отъ Пахомія до Макарія, о житіяхъ макарьевскаго и послѣмакарьевскаго времени. Около 50 послѣднихъ страницъ занято „выводами“ изъ разбора житій, точнѣе, повтореніемъ и сводомъ тѣхъ положеній и замѣчаній, которые высказаны были авторомъ предварительно при разборѣ отдѣльныхъ житій. Здѣсь авторъ заранѣе полемизируетъ съ предполагаемыми критиками своего труда и старается ослабить нѣкоторыя возможные возраженія. Такъ какъ

въ интересы автора входитъ собственно бытовая, а не литературная дѣйствительность, такъ какъ вниманіе его главнымъ образомъ было занято спорами о монастырскомъ владѣніи недвижимыми имуществами, то авторъ всячески стремится умалить значеніе высказанныхъ ранѣе въ наукѣ мнѣній о византійскихъ вліяніяхъ и въ особенности старается о томъ, чтобы удержать за сочиненіями Нила Сорскаго и заволжскихъ старцевъ бытовое значеніе.

Изслѣдованіе объ отраженіи религіозныхъ настроеній XV—XVI вв. въ житіяхъ того времени заключаетъ въ себѣ много общихъ мѣстъ, что обусловлено слишкомъ обильными повтореніями и слишкомъ многочисленными общими мѣстами въ житіяхъ XV—XVI вв. Много тутъ шаблоннаго. Авторъ стремится провести рѣзкую разницу между средне-русскимъ іосифлянскимъ направленіемъ религіозныхъ интересовъ и тѣмъ направленіемъ, тѣми стремленіями, которыхъ придерживались заволжскіе старцы; но такое различеніе не оправдывается въ достаточной степени приводимыми доказательствами, и вездѣ чувствуется преувеличеніе, искусственность предвзятой мысли, мѣстами излишніе риторическіе приемы, въ цѣляхъ убѣжденія читателя не путемъ дѣловаго, фактическаго, безпристрастнаго доказательства, а путемъ наведенія, внушенія, убѣжденія. Страницы 161—171, 326—373 имѣютъ характеръ не научнаго изслѣдованія, а бойкаго діалектическаго трактата, стремящагося не убѣдить, а покорить читателя, и такое усердіе показываетъ только, что самъ авторъ не особенно вѣритъ во внутреннюю фактическую убѣдительность своего изслѣдованія.

Зависимость автора отъ знаменитаго труда Ключевскаго о древнерусскихъ житіяхъ, какъ историческомъ источникѣ, красной нитью проходящая черезъ всѣ „Очерки“, особенно ярко обнаруживается въ 5-ой главѣ. Волей-неволей авторъ на каждомъ шагу пользуется дѣйствительно капитальнымъ трудомъ проф. Ключевскаго, и, хотя мѣстами пытается полемизировать съ этимъ ученымъ, но почти всѣ разногласія выходятъ не въ пользу автора, такъ какъ приводимый имъ въ доказательство житійный матеріалъ снова подтверждаетъ основное положеніе проф. Ключевскаго о весьма малой пригодности житій русскихъ святыхъ XV—XVI в. съ точки зрѣнія исторической и въ значительной степени съ точки зрѣнія литературной. При всемъ усердіи, автору не удалось поднять историко-литературное значеніе Московскихъ житій XV—XVI вв.

Авторъ захватилъ для изслѣдованія большой матеріалъ, и потому, должно быть, онъ сталъ болѣе на сторону изложенія содержанія житій, не вдаваясь глубоко въ анализъ отдѣльных фактовъ. Специальному изученію подвергнуты лишь немногія легенды; большинство легендъ лишь отмѣчено мимоходомъ.

Авторъ самъ отлично сознаетъ нѣкоторое неудобство принятаго эпизодическаго метода изслѣдованія и въ своемъ краткомъ предисловіи стремится оправдать и мотивировать „очерки“: „занимаясь изученіемъ древне-русскихъ житій, говоритъ авторъ въ концѣ предисловія, я не чувствую себя силою вещей (?) отказаться отъ всесторонняго обобщенія предмета во всей его полнотѣ и посвятить свою работу дополненію прежнихъ изслѣдованій, иногда исправленію ихъ выводовъ, и попыткѣ придать ей характеръ отдѣльныхъ очерковъ“. Если подѣ силой не разумѣть недостатокъ времени, то нельзя не пожалѣть, что авторъ расширялъ свой кругъ изслѣдованія въ направленіи къ XVI в. и оставилъ совсѣмъ въ сторонѣ XII и XIII вв., причемъ почти совсѣмъ въ сторонѣ оставленъ любопытный вопросъ, какъ, подѣ какими воздѣйствіями и въ какихъ пріемахъ измѣнилась старая фактическая житійная форма въ литературно-риторическую XV и XVI вв.

Въ предисловіи на 7 стр. авторъ вопросъ о формѣ считаетъ уже рѣшеннымъ; но рѣшеніе это, въ томъ видѣ какъ оно дано Ключевскому, имѣетъ слишкомъ общій характеръ, и въ смыслѣ историко-литературномъ это вопросъ далеко не рѣшенный, лишь намѣченный.

Недостаточно внимательное отношеніе къ формальной сторонѣ житій XV и XVI вв. повело къ тому, что авторъ въ 5-й главѣ чисто литературнымъ, литературнымъ и риторическимъ украшеніямъ придаетъ фактическое реальное значеніе и разныя общія мѣста о нестяжательности, благочестіи и т. п. вводитъ въ кругъ соображеній о культурно-историческомъ настроеніи общества.

Хотя изслѣдованіе г. Кадлубовскаго вызываетъ многія возраженія, оно даетъ поводъ для серіозной критики съ разныхъ точекъ зрѣнія и по разнымъ спеціальностямъ, по исторіи русской литературы, по исторіи церкви, по исторіи Византіи и др., при всемъ томъ оно представляетъ трудъ большой, цѣнный, самостоятельный. Лучшая часть книги—первыя двѣ главы объ Аврааміи Ростовскомъ и Меркуріи Смоленскомъ. Третья глава о Волоколамскомъ Патерикѣ уже потому представляетъ значительную научную цѣнность, что построена на новомъ матеріалѣ. Книга написана съ увлеченіемъ, хорошимъ литературнымъ вкусомъ, и я думаю, что это изслѣдованіе можетъ быть одобрено, какъ магистерская диссертация, и что въ лицѣ Арс. Петр. Кадлубовскаго русская наука пріобрѣтаетъ полезнаго дѣятеля.

Профессоръ Н. Сумцовъ.

20 Апрѣля 1902 г.